

тяжела жизнь и сколько горя и несчастія вокругъ насъ всѣхъ“. Л. Н. могъ бы не думать о горѣ, о несчастіи, могъ бы бѣжать отъ него въ литературу, религію, и самый возрастъ располагалъ его къ такому рѣшенію; но его любящее сердце влекло его въ глубь страданія.

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ женѣ Л. Н. благодарилъ ее за 48-лѣтнія заботы, просилъ прощенія за бѣгство изъ дому и объяснилъ его такъ: „Я не могу больше оставаться въ этой роскоши, поступая такъ, какъ дѣлаютъ старики моего возраста“. Возрастъ былъ очень большой—83 года, но сила духа оказалась еще ббльшей, и онъ рѣшилъ порвать со всѣмъ прошлымъ, со всѣми завѣтами [комильфотности и зажечь новой жизнью простого любовнаго общенія съ міромъ.

Толстой былъ человѣкъ съ исключительно ему свойственнымъ складомъ ума и характера, натура по природѣ сильная, съ явнымъ отпечаткомъ генія. Но всякій человѣкъ, и величайшіе геніи въ томъ числѣ, дитя своего народа и своего вѣка. И Толстой, при всей его своеобразности, имѣлъ своихъ учителей, если не въ школѣ,—пройденная имъ школа была очень слаба, то въ жизни и особенно въ литературѣ. Литература западная, литература русская, литература Востока—это великіе учителя, и всѣ мыслящіе люди волей или неволей являются ихъ учениками, и Толстой имѣлъ своихъ великихъ учителей. Однимъ изъ самыхъ видныхъ учителей его является Руссо. Въ преклонныхъ годахъ, незадолго до смерти Толстой въ письмѣ къ женевскому обществу имени Руссо отмѣтилъ, что главными его наставниками были Руссо и Евангеліе. Ранѣе онъ какъ-то отмѣтилъ, что сочиненія Руссо прочитаны были имъ въ возрастѣ между 14 и 20 годами и произвели на него огромное впечатлѣніе. Несомнѣнно, что силѣ впечатлѣнія содѣйствовало въ данномъ случаѣ многое, и то, что Толстой ознакомился съ Руссо въ такомъ возрастѣ, когда всякое впечатлѣніе западаетъ глубоко въ душу, и то, что Руссо, какъ большая художественная сила, превосходный стилистъ и гуманный писатель заключаетъ въ себѣ большую долю очарованія, и то, что въ настроеніи Толстого, въ его душевномъ складѣ